

МАЛАЙСКАЯ КАМПАНИЯ И ПАДЕНИЕ СИНГАПУРА В ПИСЬМАХ, ДНЕВНИКАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ АВСТРАЛИЙЦЕВ

В декабре 1941 года японские войска высадились в Малайе и начали стремительное наступление на юг, в сторону Сингапура. Им противостояла группировка войск, состоявших из британцев, австралийцев и индийцев. 15 февраля 1942 года союзники капитулировали, и более 130 000 солдат и офицеров Британского Содружества, включая 15000 австралийцев, оказались в плену. Более 1100 австралийцев погибли или пропали без вести. Это была крупнейшая военная катастрофа в истории Британской Империи. Свидетельствуют австралийские участники событий...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 4 - Продолжение

На восточном побережье 22-я Бригада и другие подразделения восточной группы (Eastforce) получили приказ отступить из района Мерсинга/Mersing, чтобы оставить свои позиции одновременно с отступающими на западном побережье. Здесь австралийцы войска были крайне разочарованы. Они проходили подготовку в окрестностях Эндау и Мерсинга более шести месяцев и построили укрепления, которые были настроены удерживать любой ценой.

26 января была замечено вражеское соединение из четырёх крейсеров, шести эсминцев, двух транспортных судов и тринадцати малых кораблей, выгружающих припасы и людей в Эндау. Несколько эскадрилий получили приказ совершить дневные атаки, и даже устаревшие самолеты *Вилдебист/Wildebeest* из 36-й и 100-й британских эскадрилий были брошены в бой. Экипажи этих бипланов, включавшие в себя нескольких австралийцев, воспринимали это как миссию как самоубийственную. Первая волна из двенадцати *Вилдебистов* потеряла пять самолётов, а выжившие, пролетая мимо второй волны, уходившей на задание, показали «палец вниз». Облачность рассеялась до того, как вторая волна достигла цели, и большое количество вражеских истребителей угрожающе уже кружило над пляжами. Они бросились на перехват громоздких бипланов, которых сопровождали всего четыре истребителя.

Лейтенант британских ВВС Том Лэм (Tom Lamb), пилот, чей стрелок был австралийцем, сержантом Гилом Шарпом (Gil Sharp), вспоминал: «Мы снизились и летели прямо на пляжи. Удивительно, что старые коробки не развалились. Через секунды небо было уже плотно забито самолётами ... было тревожно видеть ряды дыр от пуль по всему полотну... Я слышал, как Шарп стрелял, и слышал, что он крикнул, что сбил *Зеро*. В какой-то момент я увидел пять парашютов в небе и два самолёта, охваченные огнем. Сразу после этого я оказался над пляжами, заполненными войсками, и ... сбросил бомбы ... чуть выше кроны деревьев ... делая резкие развороты, когда нас атаковали. Вдруг Шарп закричал ... снаряд попал ему прямо в колено, и нижняя часть ноги повисла. [Наблюдатель, сержант] Уиллс (Wills)... взял управление пулемётом на себя. Я вздохнул с облегчением, когда приземлился в Селетаре. Это было ужасно – вытаскивать Шарпа из самолета и тащить в санитарную машину.»

Ногу Шарпу ампутировали, но он выжил. Семь из двенадцати самолётов второй волны были сбиты. Из тридцати австралийских лётчиков, участвовавших в атаках на бипланах, восемь были убиты, двое сбиты и попали в плен, ещё двое сбиты, но добрались до

британских линий, трое приземлились с ранениями. Кроме того, два стрелка австралийской 1-й Эскадрильи были убиты, когда их *Хадсон/Hudson* был атакован японским истребителем. Это был самый тяжёлый день кампании для австралийских летчиков...

Вилдебист из британской 36-й Эскадрильи. Фото, вероятно, сделано до вторжения в Малайю, так как устаревшие машины 36-й и 100-й эскадрилий не совершали торпедных атак во время кампании.

На базе технический персонал пытался ремонтировать повреждённые самолёты. Ангары были разбомблены, запасные материалы утрачены, а постоянные воздушные тревоги замедляли работу и увеличивали нагрузку на людей. В нескольких авианалётах были убитые и раненые, однако боевой настрой у людей оставалась высоким.

Два эсминца, британский *Thanet* и австралийский *Vampire*, вышли в море из Сингапура, чтобы атаковать вражескую эскадру. В ночь с 26 на 27 января они вступили в бой с тремя японскими эсминцами и двумя тральщиками. *Thanet* был потоплен, а *Vampire*, который выставил дымовую завесу, пытаясь помочь эсминцу *Thanet*, едва избежал уничтожения, когда два японских корабля по ошибке начали стрелять друг в друга. Он вернулся в Сингапур, а два дня спустя этот старый эсминец, сопровождая уходящий конвой, продолжил путь на Яву.

27 января 2/18-й Батальон получил серьёзное «боевое крещение» в районе плантации Нитсдейл/Nithsdale, близ Джемалуанга/Jemaluang, при поддержке двух батарей Полка 2/10. Батальон развернул свои роты вдоль главной дороги и устроил засаду на примерно 1000 вражеских солдат. В течение двух дней тяжёлых, часто рукопашных боёв батальон сдерживал японцев, но его передовая Рота *D* была почти полностью уничтожена, потеряв около восьмидесяти человек убитыми и ранеными. Бой серьёзно ослабил 55-й Пехотный Полк японцев, который перебрасывался вглубь страны для участия в наступлении против *Westforce*.

На западе японцы продолжали наступление на трёх направлениях. Два оставшихся батальона 27-й Бригады, 2/26 и 2/30 отходили с боями от Гемаса и Батту Анам/Battu Anam через Сегамат/Segamat, Тенанг/Tenang, Лабис/Labis и Йон Пенг/Yong Peng. Усиленные британскими подразделениями, они защищали дорогу от Айер Хитама до Скудая/Skudai и Джохор Бару. На побережье индийская 15-я и британская 53-я бригады пытались остановить ещё одно наступление врага, а на другом фланге австралийцев 8-я и 22-я индийские бригады были размещены вдоль центральной железной линии от Клуанга/Kluang до Джохор Бару. Любое отступление на одном из фронтов вынуждало другие фронты также отходить, чтобы избежать окружения.

27-я Бригада обороняла Айер Хитам с 23 по 25 января. Батальон 2/30 занял позицию *Hellfire Hill*, с которой «открывались унылые виды на грязные чёрные болота и заброшенные рисовые поля, сливавшиеся с джунглями». Солдаты прятались от авиации под листвой деревьев и папоротников, но их мучили комары в количестве, которого они никогда раньше не встречали. Австралийские и британские войска яростно сражались, прежде чем отступить ночью через джунгли и болота с ранеными на руках.

После встречи с автотранспортной колонной, использованной для движения на юг, 27-я Бригада снова вступила в бой у Симпан Ренгама/Simpang Rengam перед отходом к плантации Намази/Namazí, расположенной в 65 километрах к северу от Джохор Бару. Батальон 2/26 и 2-й Батальон Гордонских Горцев/Gordon Highlanders заняли окопы, Батальон 2/30 поддерживал их, но снова был оттеснён после упорного боя. Отступая через джунгли, солдаты осторожно вступали в полосу обороны британцев, слыша щелчки винтовочных затворов, крича: «Это австралийцы, не стреляйте». Осторожность была оправдана — японцы ранее обманывали обороняющихся, используя знание английского.

Во время отступления передышки были редкостью, так как японцы господствовали в воздухе. Из письма капитана Даффи: «Мы откатились примерно на 70 километров, находясь в машинах почти до рассвета, после чего заняли новую оборонительную позицию на плантации. Самолёты были очень активны, они бомбили и обстреливали из пулемётов всю окрестную территорию. Мы лежим пластом под деревьями, когда они делают круги над нами. Утром мы видели несколько своих самолётов, а затем привычный монотонный поток японских машин».

Солдаты покидают грузовики, чтобы занять оборонительные позиции. Во время отступления войска продвигались на автотранспорте преимущественно ночью чтобы избежать воздушных атак.

Хуже всего австралийцам приходилось, когда они находились в машинах при свете дня под огнем японской авиации. Появление в Малае 51 истребителя *Харрикейн/Hurricane* в конце января вызвало воодушевление, но реальных изменений в ходе кампании это не принесло. Некоторые пилоты были австралийцами. *Харрикейны* иногда брали вверх над врагом. Они сбивали несколько истребителей и пикирующих бомбардировщиков над Малаей, но сильно уступали по своим характеристикам японским *Зеро*. Одним из пострадавших в воздушных боях над Сингапуром был лейтенант/pilot officer [Джон Гортон](#) (John Gorton), будущий премьер-министр Австралии, который 30 января серьезно пострадал, когда был вынужден совершить аварийную посадку в поврежденном *Харрикейне*.

На земле солдаты проклинали отсутствие прикрытия с воздуха, но вариантов не было — приходилось сражаться. Люди все менее остро воспринимали тяжёлые потери, но иногда смерть одного человека могла сильно ударить по отдельному солдату или даже по целому подразделению. Из письма капитана Даффи: «Я потерял одного из своих молодых капралов, который был со мной с момента формирования. Его отец, участвовавший в предыдущей войне, тоже служил в этом батальоне. Он был с командиром батальона, когда пришли плохие новости, и чуть не сошёл с ума. Он плакал, а ведь всегда считался одним из самых стойких людей в подразделении. В конце концов он потерял сознание прямо на дороге».

Огромная нагрузка легла на плечи медицинского персонала. Солдаты полевых санитарных батальонов 2/9 и 2/10 старались эвакуировать как можно больше раненых. Им приходилось искать пострадавших и вывозить их с передовой дорогам, подвергающимся воздушным атакам, чтобы добраться до ближайшего эвакуационного пункта. Подполковник Хэмилтон (Hamilton) эвакуационного пункта 2/4 описал обстановку в одном из них: «Ночь приносила наплыв раненых в крайней степени истощения, грязных, потных и в крови. Одни лежали бледные, с поверхностным дыханием и безжизненными глазами. Другие, сбросившие нервное напряжение, становились говорливыми. Один молчал, пряча то, что выглядело как рана, умышленно нанесённая самому себе».

Тыловые госпитали начали испытывать трудности с потоком раненых. Сестра Бетти Джеффри (Betty Jeffrey) из АОГ 2/10 вспоминала: «Раненые всё шли и шли, одна санитарная машина за другой, днём и ночью, это не прекращалось. У нас все время не хватало коек. Когда госпиталь через несколько дней заполнился, пришлось занимать дома на соседней улице... Персонал был сильно рассредоточен, но как-то мы справлялись. Ни один человек не остался без ухода».

Австралийскому солдату, раненому в бою, оказывается медицинская помощь перед эвакуацией с передовой

Сестра Вилма Орам из АОГ 2/13 добавляет: «Раненых было так много, что ум отказывался верить. Мы работали в операционной круглосуточно, а очередь снаружи не уменьшалась».

Лишь небольшое число раненых удалось эвакуировать из Сингапура.

К 30 января 1942 года войска Британской Империи были оттеснены к проливу Джохор. Днём ранее 27-я Бригада вела тяжёлые бои возле пункта Айер Бембан/Ayer Bemban, где ее поддерживал Полк Полевой Артиллерии 2/15, прежде чем ей было приказано отступить.

На востоке другая австралийская бригада, 22-я, отходила через Кота Тингги/Kota Tinggi, чтобы занять позиции на внешней линии обороны, а войска Британской Империи начали эвакуацию на остров Сингапур. Сапёры Полевых Рот 2/10 и 2/12, а также индийские и британские сапёры продолжали поджигать склады и взрывать мосты, чтобы задержать продвижение врага.

Сержант Дэвид Уилли (David Willy) из Резервной Автотранспортной Роты 2/3 так описал ситуацию в письме другу от 30 января: «Наше подразделение было на границе, когда началась война, и теперь мы отошли так далеко, как только возможно, оказавшись у кромки воды...» К этому моменту, после более чем двух недель тяжёлых непрерывных боёв и отступлений, солдаты 22-й и 27-й бригад были «почти полностью измотаны» из-за недосыпа и недостатка нормальной пищи.

Глава 5: Вкус настоящего ада

На острове Сингапур ночь с 31 января на 1 февраля 1942 года была ясной, с полной луной. Поток уставших солдат непрерывно пересекал дамбу через пролив Джохор, занимая позиции на острове. Японская 25-я Армия продолжала свои атаки на арьергарды союзников. С момента высадки 7–8 декабря 1941 года в Кота Бару японцы заставили объединённые британские, индийские и австралийские войска отступить на 800 километров на самый юг Малаккского полуострова. Солдаты, которые теперь тащились через дамбу, соединяющую остров с материком, сражались изо всех сил и потеряли многих товарищей и друзей в отчаянных, а порой и плохо продуманных оборонительных действиях. Они были расстроены и озлоблены, вина своих генералов в том, что многие считали «долбаной мясорубкой и некомпетентностью».

За день до окончательного отступления на остров Сингапур генерал-майор Беннетт, который когда-то считал, что австралийская 8-я Дивизия переломит ход сражения, проехал по городу Джохор Бару. Вот что он вспоминал: «Я медленно проезжал... мимо брошенных автомобилей, разрушенных домов и воронок от бомб. Стояла мертвая тишина. Не было привычных толп болтающих друг с другом малайцев и занятых делами китайцев. Улицы были пусты... Я никогда не чувствовал себя таким грустным и расстроенным. Словами этого не передать. Этого поражения не должно было случиться... Я всегда думал, что мы удержим Джохор».

Ближе к рассвету 1 февраля последние австралийские подразделения пересекли пролив по насыпи. К 07.30 утра на северном берегу оставались лишь остатки 2-го Батальона Аргайлских и Сазерлендских горцев – измотанные и изможденные люди. Их было всего 90 человек – они были пленными, кто покинул Малайский полуостров. Вспоминает капитан Джон Уайетт (John Wyett), офицер штаба 8-й Дивизии, находившийся вместе с ними: «В тишине, под окрашенным в розовый цвет зари небом, я надеялся, что покинутая всеми 22-я Индийская Бригада появится в поле зрения, но признаков её не было, и мы больше никогда её не увидели». Аргайлцы повернулись спиной к Малайе и прошли по насыпи. Шотландский журналист и писатель [Эрик Линклейтер](#) (Eric Linklater) так описал эту сцену: «...их волынщики играли, пока они покидали Малайю. Утреннее солнце уже припекало, когда тишину прервали звуки мелодий *A Hundred Pipers* и *Hielan Laddie*, и Горцы, выпрямив спины и высоко подняв головы, шагали в направлении обречённого острова, оставив позади поля проигранных сражений». После этого сапёры взорвали часть насыпи, и Сингапур стал осажденным островом.

Вид с северного побережья острова Сингапур через пролив Джохор в начале февраля 1942 года. В центре видна 70-метровая брешь в насыпи, образовавшаяся после ее подрыва. На заднем плане — административное здание Джохора, откуда генерал Томоюки Ямасита руководил японским вторжением

Сингапур всё ещё был плохо подготовлен к тому, чтобы защитить себя. Британские оборонительные планы основывались на том, чтобы победить или задержать наступающего противника ещё на полуострове, и для подготовки острова и его населения к осаде было сделано недостаточно. Продвижение японцев с севера Малайи было стремительным, и многие опасались, что гарнизон не сможет удержаться. Также существовали сомнения в том, что британское правительство всё ещё готово защищать *крепость*.

На заседании Военного Совета Дальнего Востока/Far Eastern War Council 26 января, когда стало ясно, что войска защитников будут вытеснены с полуострова, Вивиан Боуден (Vivian Bowden, 1884-17.02.1942 официальный представитель австралийского правительства в Сингапуре, захвачен японцами и расстрелян), спросил, когда может стать необходимым взорвать военно-морскую базу. Ему ответили, что это должно произойти, когда враг достигнет пролива Джохор. Боуден ответил: «Мой вывод таков: Сингапур не удержат, ибо после потери военно-

морской базы и всех природных ресурсов Малайи Сингапур будет иметь только ностальгическую ценность». Никто на Совете с этим не спорил, хотя губернатор Сингапура уверял Боудена, что остров будет удержан. Для австралийцев, воспитанных в вере, что Сингапур — гарантия защиты их страны от вторжения, подобное высказывание было шоком.

1 февраля. Дым пожара над военно-морской базой Сингапура

К концу января ряд объектов базы уже был взорван, и австралийские моряки видели это своими глазами. До рассвета 1 февраля австралийский крейсер *Hobart* пришвартовался к одному из ее причалов после проводки конвоя через Индийский океан и участия в защите транспортных судов от воздушных атак у пролива Сунда/Sunda. Командиру корабля Хэрри Хаудену (Harry Howden) было разрешено брать со складов любые материалы или снаряжение, необходимые его кораблю. Один из военнослужащих береговой команды, *Вомбат* Саттон (*Wombat Sutton*) вспоминал: «Нефтяные причалы были взорваны... а большая плавучий док был подтянут ближе к берегу и затоплен, плотно сев на грунт. База достаточно сильно пострадала от авиаударов, но не так, как можно было ожидать. По прибытии мы сразу же принялись за работу, добывая всё необходимое для корабля». Моряки забирали с собой самые разные вещи, одежду, продукты и прочие мелочи. Хауден приказал им снять также латунный герб *Королевского Двора* с ворот базы «чтобы он не попал в руки врага».

Hobart отплыл в сумерках 2 февраля в сопровождении британского эсминца. В ту ночь они прошли мимо эсминца *Vendetta*, который уводили на буксире, так как он находился на капитальном ремонте и не мог идти самостоятельно. Корвет *Maryborough* также вышел в море в ту ночь - это был третий корвет, покинувший Сингапур, после корветов *Goulburn* и *Burnie*, которые отправились на Яву в конце января. На следующую ночь корветы *Ballarat* и *Toowoomba* отплыли на Суматру. Исход кораблей был в полном разгаре...

В первую неделю февраля войска Британской Империи и население Сингапура готовились к вторжению. Многие из солдат и офицеров, отступивших с материка, были шокированы состоянием обороны острова. Вспоминает лейтенант Джордж Маклоклин (*George McLoughlin*) из *Батальона 2/18* сказал об этом следующее: «Я думал, что возвращаюсь в крепость, и получил самый сильный шок в жизни... когда увидел то, что нам предстоит

защищать. До пролива рукой подать. Нет, я не мог в это поверить — никаких укреплений, вообще никаких. Даже колючей проволоки не было».

Командующий гарнизоном, генерал [Персиваль](#) (Persival), имел под своим командованием около 85 000 человек. Из них 15 000 относились к административному и небоевому персоналу, а многие из оставшихся 70 000 входили в инженерные и артиллерийские части. В целом, под его командованием находились сорок пять пехотных батальонов (двадцать один индийский, тринадцать британских, шесть австралийских, два малайских и три многонациональных/многорасовых добровольческих батальона, плюс три пулеметных батальона (два британских и один австралийский)). Большинство войск первой линии были утомлены и истощены после недель боёв и отступления в Малайе, поэтому Персиваль возлагал большие надежды на свежую британскую 18-ю Дивизию, бригады которой прибыли в конце января и начале февраля.

Для двух бригад австралийской 8-й Дивизии первая неделя в Сингапуре была временем для восстановления сил и подготовки к обороне. Подсчёт показал, что они потеряли более 800 человек убитыми или пропавшими без вести с 14 января 1942 года, сотни были тяжело ранены или болели. Позднее выяснилось, что 649 австралийских солдат погибли с начала кампании до отступления на остров Сингапур, в основном это были боевые потери. Кроме того, четыре австралийские эскадрильи потеряли 19 человек убитыми, погибли также ещё 10, служивших в британских эскадрильях, ряд летчиков был ранены или попал в плен.

Наиболее пострадали батальоны 2/19 и 2/29, которые вышли из Бакри - Парит Сулонга с менее чем 25% личного состава. Австралийское правительство и штаб армии откликнулись на просьбу Беннетта о подкреплении, отправив в Сингапур Пулеметный Батальон 2/4, который находился в Дарвине и был последним из находившихся в Австралии и прошедших боевую подготовку.

Батальон 2/29 получил 500 новобранцев, но это отнюдь не привело батальон в состояние боевой готовности. Офицеры обнаружили, что некоторые из этих людей провели в армии всего неделю, когда им вручили неисправные винтовки и неполные комплекты снаряжения и отправили за границу. Некоторые из них вообще никогда не стреляли из винтовки... Новый командир Батальона 2/29, подполковник Сэмюэл Понд (Samuel Pond, 1905-1986, слева его портрет), был глубоко обеспокоен состоянием своего подразделения: «... Состояние новобранцев было очень непростым. Они в основном были плохо подготовлены... после морского перехода находились не в лучшей физической форме... не знали местности... им не объяснили необходимости рассредоточения и укрытия от авиации... многие из них даже не сталкивались с современными видами оружия... Я попросил встречи с генералом Беннеттом и сказал ему, что, на мой взгляд, часть вообще не является боеспособной единицей».

Батальон 2/19 оказался в таком же положении после того, как в него влились 370 человек, «которые никогда не видели пулемета *Брен/Bren*, автомата или противотанкового ружья, не проходили курс стрельбы из личного оружия и даже не слышали о том, как вести штыковой бой». Остальные батальоны приняли около девяноста новобранцев каждый. Командир роты, капитан Чарлз О'Брайен (Charles O'Brien), Батальон 2/18, с горечью вспоминал: «Состояние этих новобранцев было скандальным... они были не только практически бесполезны, но реально представляли опасность для всех, кто находился рядом, и для любого командира, который ожидал выполнения приказов». Мало кто верил, что эти люди смогут хорошо сражаться, но батальоны не имели другого выбора, кроме как принять их в свои ряды...

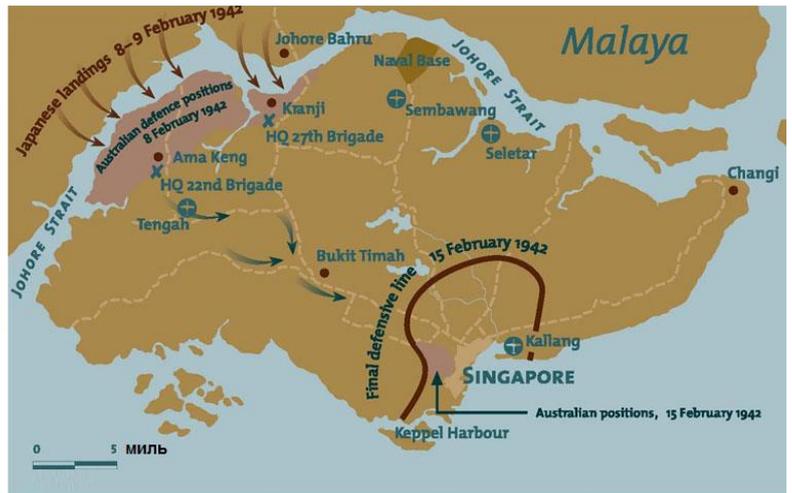
Война в воздухе над Сингапуром продолжалась без перерывов. Поскольку японцы захватывали всё больше аэродромов, бомбардировки усиливались, а количество

истребителей, защищавших Сингапур, сокращалось. Летчики вступали в схватки с японцами, перехватывали бомбардировщики, прикрывали конвои, сопровождать свои бомбардировщики, осуществлявшие налеты на юг Малайи, и занимались штурмовкой наземных целей и разведывательными полётами. Даже на этом этапе, когда сухопутные войска готовились к вторжению противника, прибывали подкрепления — пилоты, в том числе австралийцы, чтобы летать на *Харрикейнах*. Их доставляли на *Хадсонах*. Вспоминает новозеландский летчик Иэн Ньюлендс (Ian Newlands): «На подлете к Сингапуру стало очевидно, что будущее выглядит мрачно. В воздухе висели густые клубы дыма от горящих нефтяных резервуаров и кораблей. Картина напоминала сцены из Дюнкерка.»

В Сембаване технический персонал испытывал колоссальные трудности при обслуживании самолётов *Баффало* Эскадрильи 21/453, так как аэродром неоднократно подвергался бомбардировкам, ангары были повреждены, запчасти утрачены, и работы постоянно прерывались. Несколько военнослужащих наземного персонала получили ранения во время воздушных налётов. Когда японцы разместили свою артиллерию на северном берегу пролива Джохор, они получили возможность обстреливать аэродром. Опасность стала очевидной 5 февраля, когда летчик Джон Хаствелл (John Hastwell) сел на своем *Баффало*, и рядом с самолётом взорвался снаряд - самолёт опрокинулся и загорелся, Хаствелл получил серьёзные ожоги лица и головы, прежде чем его удалось вытащить из кабины.

К моменту начала осады Сингапура большая часть личного состава эскадрилий *Хадсонов* уже была эвакуирована воздушным или морским путём. 8-я Эскадрилья покинула Сингапур 20 января, а 1-я — несколько дней спустя. Они теперь базировались на Суматре вместе с британскими эскадрильями, в которых также служили австралийцы, и продолжали поддерживать осажденную группировку, бомбардируя японские позиции в Джохоре и линии связи. Австралийские эскадрильи возглавлял полковник/капитан группы Джон Макколи (John McCauley). Некоторые британские и австралийские наземные рабочие группы авиации остались в Сингапуре для ремонта самолётов, которые были неисправны на момент эвакуации эскадрилий, или совершали аварийные посадки после повреждений над Малайей. Также часть медицинского персонала осталась для оказания помощи раненым.

В конце января британский генерал [Арчибалд Уэйвелл](#) (Archibald Wavell), возглавлявший ABDA - Американско-Британско-Голландско-Австралийское командование, созданное для координации обороны Бирмы, Малайи, Нидерландской Ост-Индии и Филиппин, посетил Сингапур, чтобы обсудить подготовку к обороне. Он предположил, что наиболее вероятной зоной японской атаки будет северо-запад острова, где пролив Джохор был наиболее узок, а ряд речных устьев на северном берегу предоставлял укрытия для десантных судов. Он рекомендовал разместить свежую британскую 18-ю Дивизию на этом северо-западном участке и отвести следующий по вероятности высадки северо-восточный участок австралийцам. Однако Персиваль решил разместить австралийцев в самой уязвимой точке и оставить 18-ю Дивизию в резерве.

Карта Сингапура (слева) и схема боевых действий на конечном этапе Малайской кампании (справа)

Вдоль северо-западного побережья Беннетт разместил уставшие после недавних боев 22-ю и 27-ю бригады, которые уменьшились в численности примерно до половины, а также 44-ю Индийскую Бригаду, прибывшую в январе, но остававшуюся в Сингапуре. Бригаду индийцев он разместил на юго-западном фланге, наименее вероятном для атаки. 27-я Бригада Данкена Максвелла (Duncan Maxwell) – батальоны 2/26, 2/29 и 2/30 отвечала за сектор *Causeway* на восточном фланге с протяженностью вдоль берега около четырёх километров, а 22-я Бригада Тейлора (батальоны 2/18, 2/19 и 2/20) занимала почти 15 километров побережья в центре, где пролив Джохор был также узким и где японская атака была почти гарантирована. Пулеметный Батальон 2/4 предоставлял расчёты для австралийских и индийских пехотных батальонов, а артиллерийские полки 2/10 и 2/15 и 4-й Противотанковый Полк обеспечивали огневую поддержку. Пулемётчики, которые были «новичками» на Малайском фронте, вероятно, были единственными, кто был полон уверенности в своих силах и в конечном успехе.

Австралийские артиллеристы ведут огонь из противотанковой пушки во время боёв у насыпи Джохор. 2 января 1942 года.

План Персиваля заключался в том, чтобы не допустить десантирования японцев в этом секторе, а если они всё же высадятся, уничтожить их на пляжах быстрым контрударом. Однако австралийцы обнаружили, что занимают позиции в полосе мангровых болот и илистых низин, а не открытые пляжи, что делало быструю переброску сил во время боя практически невозможной. Один офицер Батальона 2/19 рассказывал: «Нас разместили в пустоши, занятой уродливыми плантациями каучуковых деревьев и покрытой густым кустарником, по-видимому, в милях от всего остального, сектор обзора здесь ограничивался ближайшим возвышением на волнистой местности, а перемещаться мы могли лишь по нескольким тропинкам, петляющим через эту глухомань». Позиции австралийцев иногда находились в сотнях метров друг от друга — идеальная ситуация для тактики просачивания, которую японцы так эффективно использовали в Малайе.

Начались артобстрелы и воздушные бомбардировки Сингапура. 7 февраля медсестра Эдит Хаугейт (Edith Howgate) записала в дневнике: «[Я почувствовала] настоящий вкус ада в это [утро], когда наш госпиталь подвергся артиллерийскому обстрелу ... Я только что поднялась наверх из палаток и закончила осмотр пациента, когда прямо рядом с нами раздался ужасный треск, словно это был удар молнии. Я схватила каску и едва успела вернуться, чтобы помочь нескольким пациентам внизу и разместить их под кроватями и столами...» От участвовавших налетов страдало и гражданское население.

Оказание первой помощи гражданским лицам после воздушного налёта на Сингапур 3 февраля 1942 г.

Корабли и суда, стоявшие на якоре у берегов Сингапура, также подвергались воздушным атакам. Рассказывает старший сигнальщик Дэнни Ингрэм (Danny Ingram) с корвета *Bendigo*: «Мы стояли на якоре среди большого числа торговых судов, когда 27 вражеских самолётов пролетели над нами, сбросив как минимум 8 бомб на корабли... а остальные на доки порта Кеппел. Все 8 бомб упали вокруг *Bendigo* без единого попадания. Мы чудом спаслись, экипаж был впервые в жизни по-настоящему напуган, а сам корабль был иссечен осколками, чтобы нам было, что вспомнить».

Японские самолёты свободно патрулировали судоходные маршруты, ведущие в Сингапур и из него, что делало четырёхдневный переход всё более опасным; пролив Сунда получил прозвище *Аллея Бомб/Bomb Alley*, а некоторые называли его *Аллеей Самоубийц/Suicide Alley*. Последний конвой с подкреплениями достиг осаждённого острова 5 февраля. Двигатель одного из торговых судов был неисправен, и конвой не смог зайти в порт под

прикрытием ночи. Вскоре после того как суда встали на якорь, японские самолёты атаковали и подожгли транспорт *Empress of Asia*, на борту которого находилась британская бригада с оружием и снаряжением. Корвет *Yarra*, который сопровождал конвой, получил незначительные повреждения во время налёта, но его артиллеристы сбили пикирующий бомбардировщик. Лейтенант-коммандер Роберт Рэнкин (Robert Rankin, на фото слева, 1907- 04.03.1942, погиб вместе со своим кораблем) приказал спустить на воду все шлюпки для спасения людей, а затем пришвартовал корвет к

горящему транспорту и эвакуировал 1334 человека напрямую. Корветы *Bendigo* и *Wollongong* подняли остальных людей из воды.

Empress of Asia горит после атаки японских пикирующих бомбардировщиков...

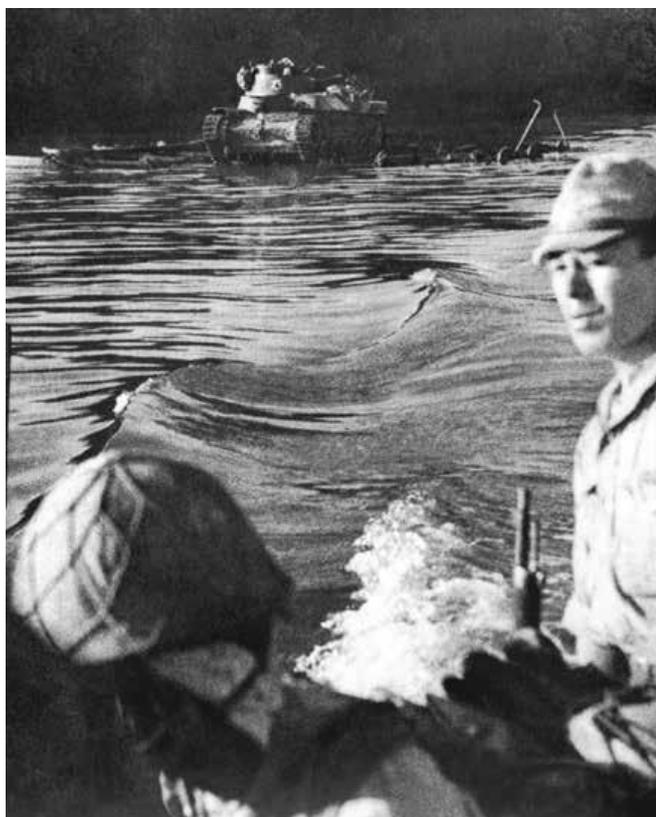
Поскольку это был последний прибывающий конвой, морской исход был завершён в последующие дни. *Yarra* завершила участие в кампании, сопроводив конвой до Явы. Последние два австралийских военных корабля покинули Сингапур ночью 7 февраля: корвет *Bendigo* сопровождал конвой, за ним ушел *Wollongong*. Корветы теперь имели лучшее зенитное вооружение, получив пушки *Bofors* или *Oerlikon*, часто их приходилось добывать тайком. Капитан корвета *Wollongong* купил пушку *Bofors* у зенитчиков в порту Кеппел за бутылку джина! При следующей оказии моряки раздобыли 200 снарядов и запасной ствол.

На рассвете 8 февраля началась мощная бомбардировка Сингапура. Помимо налётов с воздуха, на позиции 22-й и 27-й бригад обрушился интенсивный артиллерийский огонь. Потери были относительно небольшими, но жизненно важные линии связи были нарушены. Командир Батальона 2/18, подполковник Артур Варли (Arthur Varley), переживший немецкий обстрел Позьера/Pozieres в 1916 году, заметил: «За четыре года службы в 1914–1918 годах я никогда не сталкивался с таким концентрированным артиллерийским огнём на протяжении столь длительного времени». В ЖБД Батальона 2/20 осталась следующая запись: «Все старались не показывать соседу, насколько они

испуганы... Шокированных солдат оставляли в покое, так как не имело смысла пытаться успокоить их в такой ситуации».

Вскоре после 22.30 японцы перешли в наступление. Были осуществлены высадки близ позиций батальонов 2/18 и 2/20. Основной удар пришёлся на Батальон 2/20, особенно сильный - на его Роту *D*, где расчёт пулемёта *Виккерс/Vickers* под командованием лейтенанта Эрика Уонки (Eric Wankey) из Пулеметного Батальона 2/4 был готов их встретить. Услышав шум моторов приближающихся лодок, он поспешил к пулемёту и открыл огонь, когда они приблизились к берегу. Взводный сержант Хэрролд Джейкобс (Harold Jacobs) вспоминал: «Я видел, как они приближались. Они были совсем рядом. Я видел эти силуэты и подумал: «Чёрт, у нас большие проблемы», но пулемёт замедлил их продвижение. Они были так близко, что мы бросали в них ручные гранаты ... Ручные гранаты послужили нам отличную службу, у нас были заполненные ими ведра вдоль всего берега, и их можно было бросать как с набережной, так и с причала, уходящего в пролив».

Однако японцы сумели высадить пехоту в других местах и подтянуть десантные баржи ближе к берегу, доставив на него миномёты, благодаря которым обстрел австралийских позиций стал интенсивнее. Японцы затем начали наступать с флангов, постепенно вынуждая обороняющихся отступать. Капитан Р. Ричардсон (R. Richardson), командир Роты *D* Батальона 2/20, вспоминал: «К полуночи стало очевидно, что японцы высаживаются на незащищённые участки между нашими ротами и давят на наши фланги, ситуация становилась всё более отчаянной. Около 01.00 я приказал всем взводам отступить примерно на 400 ярдов [около 360 метров] ... Это удалось сделать в организованном порядке, после чего я смог связаться с штабом батальона и наконец получить артиллерийскую поддержку – был открыт огонь по набережной, и мы слышали, как японцы кричали, когда снаряды падали среди них. В течение предыдущих трёх часов я просил артиллерию помочь, но тщетно...»

Японцы переправляются через пролив Джохор

Батальон 2/20 был отброшен назад, потеряв десятки людей, к утру число погибших и раненых превысило 400 человек. Даже в такие тяжёлые минуты австралийцы не теряли чувства юмора. Рядовой Клод Джоунс (Claude Jones) был смертельно ранен в начале боя, но улыбнулся и, вспоминая предвоенную продажу металлолома в Японию, сказал товарищам: «Не следовало мне продавать этим ублюдкам старую кровать!» В другой раз, когда японский снаряд упал рядом с солдатами из Санитарного Батальона 2/10, но не взорвался, один из них, бывший сельский житель сказал: «Держу пари, это сделали из плуга, который был у нас — он всё равно был никуда не годен».

Дальше на запад Батальон 2/18 также отступал. Сержант Фрэнк Эдамс (Frank Adams) командовал отделением, занимавшим оборону у самой кромки воды, когда впервые заметил вражеские десантные суда. Австралийцы удерживали позиции, и «ни один японец не прошёл между нашими двумя окопами». Рядовой Лес Питтс (Les Pitts), один из солдат Пулеметного Батальона 2/4, рассказывал: «Не знаю, сколько японцев мы уничтожили, но, у нас был *Виккерс*, а лодок с японцами были от нас на расстоянии около 50 ярдов [45 метров] или меньше, и, должно быть, положили их много». Как и в ходе других атак, японцы сумели высадить пехоту вне сектора обстрела *Виккерсов* и начали окружать австралийцев. Лейтенант Элан Локстон (Alan Loxton) из Батальона 2/18 заметил перемещение каких-то людей за его позициями, но вспоминал, что «не был уверен, что это не наши... В ту ночь был большой хаос». Его взвод, как и большинство других, вскоре был вынужден идти на прорыв из кольца окружения и потерял нескольких человек, прежде чем выйти в безопасное место.

Японцы выделили 16 батальонов для атаки на позиции 22-й Бригады. В течение той ночи и следующего дня бригада Тейлора была вынуждена отступать, и японцы достигли своей основной цели — аэродрома *Тенга*. В официальной истории Лайонел Уигмор заключил: «Оглядываясь назад, [можно сказать, что] фронт Тейлора, с его сильно разбросанными подразделениями был способен выдерживать концентрированную атаку примерно так же, как сито удерживает воду». Проблемы бригады усугублялись неэффективностью действий старших командиров, включая генерал-майора Беннетта, который не смог адекватно отреагировать на атаку и направить на передовую достаточное количество подкреплений.

Тыловые позиции подвергались атакам со стороны вражеской авиации и артобстрелам, так как японцы стремились нарушить коммуникации союзников и задержать переброску подкреплений. Бомбёжки и обстрелы были интенсивными и нервными. Старший сержант Ходжсон из Полевой Инженерной Роты 2/6, находясь в нескольких километрах в тылу, записал в дневнике: «Мы прятались, как крысы в норах, весь день».

Джон Вернон (John Vernon), лейтенант Батальона 2/18. Во время высадки японского десанта он приложил все усилия к тому, чтобы его взвод смог отступить, унося раненых (художник Murray Griffin)

Около 21.00 9 февраля вторая волна японского десанта атаковала 27-ю Бригаду между насыпью и устьем реки Кранджи/Kranji. Здесь, однако, бригадир Максвелл имел разрешение на отвод своих батальонов сразу после того, как огромные нефтяные резервуары возле дамбы будут взорваны. Это было сделано, и более девяти миллионов литров горячей нефти вылилось в протоки и в пролив Джохор. Командир японской Гвардейской Дивизии впал в панику, когда впервые увидел полосу огня, которая, казалось, грозила накрыть его людей, и попросил свое командование перенести участок высадки восточнее, там, где имела место первая японская атака. Однако вскоре он понял, что австралийцы отошли, и его дивизия продолжила высадку.

К утру 10 февраля японцы уже перебросили на остров значительные силы, и большая часть северо-западного Сингапура была в их руках. Батальон 2/26, и, вероятно, все остальные батальоны, оказались под огнём японской артиллерии, миномётов, пулемётов и винтовок со всех направлений, который был настолько интенсивным, что казалось «будто огромная коса косит нас. Деревья и лианы падали вокруг». Австралийцам пришлось отступить под этим огнём, и в обоих секторах обороны сотни солдат были убиты, ранены или пропали без вести. Один артиллерист 4-го Противотанкового Полка назвал это «адом на земле». Даже при дневном свете было темно: густой, едкий дым от горячей нефти висел над островом. Капитан Брэнд, врач Батальона 2/29, вспоминал: «Мы обнаружили, что на нас оседает сажа... Мы все были покрыты этой чёрной нефтяной гарью — она была на нашей одежде, на снаряжение, на наших лицах — мы выглядели как чёрные солдаты».

Перед лицом, казалось бы, непрекращающихся японских атак, поддерживаемых авиацией и танками, австралийские, индийские и британские части несколько раз пытались удержать противника на разных линиях обороны. Однако к концу первых двух дней боев батальоны понесли такие потери, что большинство пришлось реорганизовать в сводные подразделения. В ночь с 10 на 11 февраля была организована контратака на участке, южнее которого находилась деревня Букит Тимах/Bukit Timah. Атака должна была возглавлять Индийская Бригада 6/15, в ней должны были принять участие три австралийских временных батальона:

- Батальон X, собранный из тыловиков, пополнений и роты Батальона 2/18 под командованием майора Чарлза О'Брайена;
- Боевая Группа *Merret*, командир - майор Р. Меррет (R. Merret), включала роту Батальона 2/19 и около 60 человек из Батальона 2/20;
- Отдельный Резервный Батальон, собранный из тыловых подразделений с пополнением из Пулеметного Батальона 2/4, командир - майор А. Е. Сэггерса (A. Siggers).

Вечером, после наступления темноты, Батальон X продвинулся мимо горячей деревни Букит Тимах и трупов погибших здесь индийских солдат, освещаемых пламенем. Солдаты остановились на ночлег и заснули к 01.00 ночи, ожидая приказа на атаку. В 03.00 японцы атаковали первыми и разгромили батальон. Рядовой Джим Туз (Jim Toose) из Батальона 2/18 вспоминал: «Все были настолько уставшими, что... легли и заснули... Вдруг они открыли огонь по нам. Тогда майор О'Брайен дал приказ: «Каждый сам за себя». Они [японцы] смяли нас, но мы с группой парней выбрались, оказавшись в Сингапуре на следующее утро... С нами был Эллан Макинтайр (Alan McIntire), который никогда в жизни не был на стрельбище, потому что не мог разглядеть мишени — и ведь его отправили в Батальон X! Он не видел, куда идёт, так что ему приходилось держаться за мою бандольеру».

В ходе стремительной вражеской атаки многие австралийцы были убиты во сне, другие в ожесточённых рукопашных схватках. Рассказывает один из солдат батальона: «Это было как макабрическое танцевальное действо прямо из ада, с борющимися фигурами на фоне пламени, охватившего нефтехранилище. Взрывы мин, гранат и пулемётные очереди создавали отвратительную оркестровку, усиливая крики раненых и умирающих».

К рассвету 11 февраля контратака была отменена, и объединённые британские, австралийские и индийские формирования отошли. Отдельный Резервный Батальон помогал прикрывать отступление, а его командир, майор Сэггерс, вспоминал тактику японцев: «Японцы продвигались к нашей линии обороны, стреляя во все стороны, прячась за деревьями, проползая вперед по каналам и используя каждую складку рельефа. Многие срезали кусты и держали его перед собой, продвигаясь вперед, другие размазывали по лицам и одежде грязь и глину».

В ходе этого хаотичного отхода многие австралийцы демонстрировали личную храбрость, пытаясь сдержать натиск врага и прикрыть отступление своих товарищей. Лейтенант Виктор Уорхёрст (Victor Warhurst, на фото слева), офицер Пулеметного Батальона 2/4 в составе Отдельного Резервного Батальона, возглавил штыковую атаку с ротой британских солдат, что на время остановило противника. Позднее в тот же день Уорхёрст был убит в бою. Лейтенант Виктор Ментиплей (Victor Mentiplay), также из Отдельного Батальона, был настолько взбешен, увидев японского солдата, который добивал штыком раненных австралийцев, что сам атаковал врага, но был ранен при в шею штыком — к счастью, жизненно важные артерии были не задеты. Ментиплей отступил, затем достал револьвер и застрелил японца, после чего рванулся вперед и убил ещё пятерых, а затем бросил пустой револьвер в японских пулеметчиков. Вражеский расчет, приняв летящий револьвер за гранату, убежал. Ментиплей спрятался в пруду и после наступления ночи сумел вернуться к британским позициям.

Многим солдатам стало ясно, что никакой помощи не будет и что японцы берут остров под контроль. Кроме того, противник господствовал в воздухе, в связи с чем корабли и суда, покидавшие Сингапур, сильно рисковали быть пущенными на дно. В отличие от [британской армии на пляжах Дюнкерка](#) в северной Франции в июне 1940 года, «спасение в последнюю минуту» здесь было исключено. Лишь немногие армейские части были эвакуированы, среди них была Резервную Автотранспортная Рота 2/3, которую была переброшена на Яву.

10 февраля шесть медицинских сестёр сопровождали 300 раненых австралийских, британских и индийских солдат, которых должны были эвакуировать на небольшом грузовом судне *Wah Sui* — им повезло, и они были спасены. Сестра Мона Уилтон (Mona Wilton), позже погибшая при эвакуации из Сингапура, передала одному из солдат короткую записку для родителей: «В огромной спешке, чтобы посадить ребят на судно — домой и в безопасность. Бог знает, когда мы последуем. Не беспокойтесь, ладно? Мы умеем уворачиваться от бомб не хуже других». Шестерым медсестрам удалось покинуть остров на *Wah Sui*... Врачи, медсёстры и санитарные работники в госпиталях изо всех сил старались помочь сотням раненых. Новых пострадавшие прибывали с каждой минутой, и медсёстры считали, что смогут принести больше пользы, если останутся. Госпитали развешивали флаги Красного Креста, но в них попадали случайные снаряды и бомбы. О том, что творилось в одном из временных госпиталей вспоминала сестра Джеффри (Jeffrey): «Никогда не видела ничего подобного. Раненые были повсюду — в кроватях, на носилках, на полу, на верандах, в гаражах, палатках и землянках».

Беннетт сопротивлялся призывам эвакуировать медсестёр — он понимал их ценность — но многие теперь опасались за безопасность женщин. Один британский офицер даже предложил, чтобы их расстреляли, чтобы не допустить попадания в руки японцев. 11 февраля медсестрам сообщили, что половина из 130 человек персонала австралийских госпиталей 2/10 и 2/13 госпиталей и эвакуационного пункта 2/4 покинет остров в этот день.

Сестра Саймонс (Simons) вспоминала: «Это было как гром среди ясного неба. Всем было известно, что подходящих судов нет, госпитальных уж точно не было, а предложение эвакуироваться и оставить пациентов вызвало у нас сильный стресс. Когда объявили набор добровольцев из числа медсестёр, все мы вызвались остаться».

Портрет медсестёр Эллен Китс (Ellen Keats, слева) и Элизабет Пайм'н (Elizabeth Pym) из госпиталя 2/10, сделанный до начала кампании. Паймэн покинула остров на судне Empire Star 12 февраля и благополучно добралась до Австралии. Китс села на судно Vyner Brooke на следующий день и была убита в резне на острове Банка 16 февраля. Это судно было потоплено японскими самолетами, после чего уцелевшие 22 медсестры, 60 австралийских солдат и офицеров и моряки экипажа были убиты японскими солдатами...

12 февраля Беннетт, почувствовав, что конец близок, начал стягивать все части 8-й Дивизии в австралийский периметр вокруг казарм Танглин/Tanglin, находившихся в нескольких километрах от города. Японцы продолжали наступать на позиции британцев, индийцев и малайцев к северу и югу от австралийских позиций. К следующему дню японцы подошли на расстояние пяти километров от набережной Сингапура, и весь город оказался под обстрелом их артиллерии. Многие солдаты начали искать пути эвакуации с острова, и в этот день несколько катеров были захвачены солдатами, которые решили, что Сингапур спасти уже невозможно.

Оставшимся шестьдесят пяти австралийским медсестрам сообщили, что их эвакуируют. Сестра Джеффри работала с пятью другими медсестрами в небольшом госпитале *Manor House*. Рано днем подъехала машина, и медсестрам приказали немедленно покинуть его. Рассказывает Джеффри: «Мы все категорически отказались уходить. Дел было очень много. Раненые прибывали непрерывно: в Сингапуре не было кораблей, чтобы разгрузить госпиталь... Но наш отказ никого не интересовал. Нам приказали уходить, и мы должны были оставить этих отличных ребят. Всем нужна была помощь, никто не жаловался — даже врачи, которые так остро нуждались в нашей поддержке. Никогда я не испытывала такой горечи, как тогда. Это была работа, ради которой мы отправились за границу. Мы сидели в машине в полном оцепенении от внезапности всего происходящего».

Медсестёр отправили в порт Кеппел на машинах скорой помощи, но последнюю часть пути им пришлось пройти пешком «сквозь неопишуемые руины, горящие здания, едкий дым и брошенные или разрушенные автомобили». Они сели на небольшое грузовое судно *Vyner Brooke*.

Китайские женщины оплакивают погибшего под японскими бомбами ребенка...

Многие солдаты теперь понимали, что гарнизон долго не продержится, хотя слухи о скором прибытии подкреплений и помощи всё ещё циркулировали среди них. 13 февраля штаб-сержант Ходжсон (Hodgson) записал в дневнике 13 февраля: «До меня дошел очень настойчивый слух, что янки и британцы высадились во всех портах от Пенанга на юг. Не верю в это и не верю, что у японцев столько войск, сколько у нас на острове. Думаю, если бы нас всех бросили в бой, мы смогли бы их прогнать». Капитан тоже слышал о возможной помощи и призывал солдат продолжать борьбу.

Сражающаяся пехота была измотана до предела, и офицеры начали собирать оставшихся людей из небоевых частей для продолжения боевых действий. Ходжсон был назначен командовать ремонтной мастерской, и заметил, что трое из его людей «были в ужасе от мысли, что окажутся на передовой». Рядовой Даглас Маклаган (Douglas MacLagan) находился на поправке после ранений, когда был объявлен набор добровольцев в новый сводный батальон. Из 350 человек, находившихся в госпитале для выздоравливающих только сорок согласились. Пациентам других госпиталей также давали возможность вернуться в строй, и среди тех, кто откликнулся в последние дни сражения, были подполковники Эндерсон и Галлахан. Вспоминает Маклаган: «Мы сражались за... свои чертовы жизни. Мне дали винтовку и 100 патронов и отправили вперед, туда, где шли бои и где по ночам вели огонь снайперы. Везде царил общая атмосфера уныния, ее усугубило заявление майора Ханта о том, что для нас война закончена. Но мы ещё не были побеждены, и, хотя нас окружили, мы считали, что это неправда, что мы все станем военнопленными».

Солдатам и офицерам не пришлось идти в последнюю, самоубийственную контратаку: 14 февраля командование приняло решение прекратить бессмысленные операции подобного рода. Персиваль созвал старших командиров, включая Беннетта, на совещание, и они согласились, что при отсутствии резервов контратака не имела шансов на успех. По сути, солдаты были измотаны после нескольких дней и ночей непрерывных боёв и отступлений, не имея возможности отдохнуть и постоянно находясь под бомбёжками и обстрелами. Кроме того, от усилившегося артиллерийского обстрела города страдало местное население. Возвращаясь с совещания, Беннетт был поражён тем, в каком положении оказались сингапурцы: «... разрушено было все. На дорогах зияли воронки, вокруг лежали огромные кучи закопченных обломков... Группа китайцев, малайцев, европейцев и австралийских солдат уже работала, убирая завалы. Вскоре из укрытия вышел китайский мальчик, исцарапанный и истекающий кровью, который сразу же принялся помогать спасать людей. Он сказал: „Моя сестра под завалами“. Спасатели с остервенением

раскидывали обломки... Наконец, верхушка завала была расчищена. Под ней лежала раздавленная масса стариков, женщин, юношей и детей, некоторые ещё были живы — остальные мертвы».

Японцы взяли под контроль водохранилища и насосные станции Сингапура. В случае прекращения подачи воды гарнизон был бы обречён. Наступило 15 февраля. Вот как вспоминал этот день Беннетт в своих мемуарах: «Сегодняшнее утро началось с безнадёжного рассвета отчаяния. На горизонте не было никакой надежды. Тропическое солнце пекло, зависнув над умирающим городом, который корчился в муках.» По войскам ходили слухи о прекращении огня, но большинство отказывалось верить, что это возможно. Многие клялись, что никогда не сдадутся. Некоторые солдаты сталкивались с британской военной полицией, которая «...искала человека в форме английского майора, который ходил среди войск и приказывал им прекратить огонь в 16.00. Нам сообщили, что капитуляции или сдачи точно не будет» (из неопубликованных мемуаров рядового Пэтрика Хайэма (Patrick Higham)). Весь день продолжались интенсивные артобстрелы, бомбёжки и бои. Сотни британских, индийских и австралийских солдат, оказавшихся отрезанными от своих частей, блуждали по улицам или искали укрытие в заброшенных домах. Некоторые были ранены, другие физически или психологически сломлены. Когда водоснабжение стало сходить на нет, многие пришли к выводу, что «больше нет смысла себя обманывать». Всё больше людей искало способ покинуть остров.

Некоторые из самых ужасных сцен происходили в переполненных госпиталях. Старший австралийский представитель [YMCA](#) при 8-й Дивизии Хэнгер (I.R. Hanger), зашёл в один из находившихся в кафедральном соборе Св. Андрея, чтобы посмотреть, какая помощь нужна. Вот что он написал в своем отчете: «Внутри собор представлял собой зрелище, которое невозможно забыть. Сотни больных [и раненых] лежали повсюду, в маленькой комнате, наскоро переоборудованной в операционную, врачи совершали настоящие медицинские подвиги, здесь и там гражданские оказывали помощь раненым солдатам и местным жителям». Снаряды и бомбы ещё больше усугубляли хаос в палатах. Капрал Час Мэнсфилд (Chas Mansfield) из Полевой Роты 2/12, лежал в постели с температурой. Снаряды взрывались рядом, осколки пролетали сквозь окна «и разлетались повсюду», нанося солдатам повторные раны. После обеда снаряд пробил крышу и взорвался, мгновенно убив 16 человек, ещё восемь скончались от ран. Одного из друзей Мэнсфилда вынесли наружу по частям.

В этот последний день старший сержант Ходжсон и многие другие поняли, что «у нас осталась лишь очень слабая надежда». Ходжсону приказали вывести сапёров на передовую линию для штыковой атаки: «Похоже, идея была в том, чтобы наши ребята... пошли на то, что называется «смерть или слава/death or glory». Его люди, сплошные тыловики, приободренные ромом, найденным в соседнем доме, были «готовы ко всему». Многие пехотинцы не видели причин сдаваться после потери стольких друзей и товарищей, поэтому «мы просто сражались дальше — у нас был фаталистичный взгляд на все это».

Артиллерист Флетчер (Fletcher) из Полка 2/15 участвовал в последней контратаке и оставил запись в дневнике 15 февраля: «Шквал огня! Японцы пустили в ход всё, что у них было: летели снаряды, бомбы, мины, пулемётные очереди и винтовочные пули. Шум был просто оглушающий. Свинец пулемётов [атаковавшего нас] самолёта сыпался на землю вокруг нас, лежавших возле штабеля керамических канализационных труб. Тут же, чуть дальше, на расстоянии примерно в 300 ярдов ниже по долине, быстро затрещали винтовочные выстрелы, мы всмотрелись и подождали, и снова пули стали поднимать пыль рядом с нами. Мы решили ответить тем же, и на время эта часть долины успокоилась, но ненадолго. Шум стоял такой, что казалось, конец очень близок. Пулемётные очереди, выпускаемые японскими самолетами, отбивали куски от черепичной крыши дома всего в 6 метрах от меня. И вдруг — тишина. Ни пушек, ни бомбовых разрывов, ни винтовочных выстрелов больше не было слышно. Мы ума не могли приложить, что могло случиться».

Был объявлен режим прекращения огня. Генерал Персиваль принял решение о капитуляции, поскольку водоснабжение почти полностью прекратилось, боеприпасы подходили к концу, бензина почти не оставалось, а непрекращающиеся бомбёжки вызывали ужасающие жертвы среди гражданских. Поскольку было уже решено, что контратака имеет мало шансов на успех, у командующего оставалось два варианта — капитулировать или сражаться до последнего человека. В течение дня он организовал прекращение огня и лично подписал документ о капитуляции вечером на заводе *Форда*. Всем солдатам Британской Империи было приказано сложить оружие в 20.30 тем же вечером.

Репродукция картины неизвестного японского художника, изображающая подписание документов о капитуляции на заводе Форда

Артиллерист Роналд Хулахэн (Ronald Houlahan), Полк 2/15, записал свои впечатления о том роковом дне: «11.30 — слышим, что *помми* (*rotmie* - британцы) прекратили огонь, [но] не знаем почему, а индийцы сложили оружие, так что выглядит так, будто австралийцы будут сражаться в одиночку. 15.30 — получаем приказ о прекращении огня и верим, что идут мирные переговоры. Сразу после наступления темноты мы перемещаемся, как нам сказали, в меньший периметр около казарм *Танглин*. Много боеприпасов оставлено. По дороге слышим множество слухов о том, что японцы отступили и мы идём вперёд. Водитель нашего командира сообщил, что условия мира подписаны между Британией и Японией. Но вскоре узнаём правду. Нам приказывают разместить все орудия и грузовики в линию в садах. Всех собирают вместе, и командир объявляет, что мы теперь — военнопленные».

Как реагировали это обычные австралийские солдаты?

В больнице при кафедральном соборе слышали шёпот о капитуляции и заметили, что «шум войны начал утихать. С наступлением вечера в городе воцарилась необычная тишина». Солдаты были шокированы, сердиты, рассержены, измотаны, обеспокоены и одновременно с этим испытывали облегчение. Штаб-сержант Ходжсон испытывал «полное омерзение и стыд», потому что, как и многие другие тыловики, он «ни разу не видел японца и не сделал ни одного выстрела». Рядовой Джон МакГрори (John McGrory), Батальон 2/18,

который участвовал во многих ожесточённых боях, вспоминал: «Ужасное чувство подавленности и упадка. Думаю, возможно, было некоторое облегчение... Но также злился, очень злился». После нескольких дней отчаянной борьбы, обстрелов, бомбёжек, атак с воздуха, пулемётных и винтовочных перестрелок и рукопашных схваток солдаты были просто измотаны, голодны, лишены сил и просто больны. Артиллерист Хулахан высказал краткий, но практичный комментарий: «Во всяком случае, мы могли спать, не опасаясь, что нас упадут снаряды».

Британские солдаты складывают оружие. 15 февраля 1942 года

Последствия Сингапурской катастрофы для австралийцев

После подсчёта потерь было установлено, что более 15 000 австралийцев оказались в плену. Более 1 100 австралийских солдат погибли или пропали без вести.

Большинство личного состава австралийских ВВС, служившего в Малайе и Сингапуре, были эвакуированы в Австралию, хотя более 200 человек попали в плен позднее, в основном на Яве. Одна группа австралийцев прибыла в Мельбурн в конце марта 1942 года.

Сингапур после бомбардировок и артобстрелов

Судьба эвакуированных на *Empire Star*

На борту *Empire Star* находилось более 2000 эвакуированных, в том числе 63 медсестры и 3 врача из австралийских госпиталей 2/10 и 2/13 и эвакуационного пункта 2/4. Женщины получили место в трюме и устроились как могли, готовясь к опасному плаванию. Ночные буи, обозначавшие минные поля вокруг Сингапура, исчезли, поэтому капитан отвел судно в гавань и ждал рассвета 12 февраля, прежде чем отправиться в путь. Через несколько часов после отплытия вражеские самолёты атаковали судно. Сестра Хаугейт записала в дневнике: «Мы только-только что съели галеты с сыром, когда прозвучал сигнал тревоги: «Найти укрытие! — Держитесь подальше от дверей! — Лягте на пол!» Мы прижались лицом к палубе... Затем мы услышали пулемётный огонь, он был всё ближе, и наши тела стали плоскими, как никогда. Помню, как крепко зажмурила глаза и сжала кулаки. Несколько очередей из пулемёта, затем мы почувствовали попадание бомбы».

Empire Star в апреле 1941 года

AUSTRALIAN WAR MEMORIAL

P01117.003

Некоторые австралийские солдаты составили расчеты зенитных пушек, пока капитан Селвин Кэйпон (Selwyn N. Capon, на фото слева), переживший [воздушные атаки у Крита](#), умело маневрировал судном. Было несколько атак, три бомбы попали в него, 13 человек погибло, 37 получили ранения. Медсестры Маргарет Эндерсон (Margaret Anderson) и Вероника Торни (Veronica Torney) накрывали собою на раненых, чтобы защитить их от обстрела, и были позднее награждены за храбрость. *Empire Star* достиг Явы через четыре дня. Лишь еще одно судно из числа покинувших Сингапур 12 февраля, сумело пройти этот путь. Судно *Empire Star* будет потоплено 23 октября 1942 в северной Атлантике немецкой подводной лодкой *U-615*, которой командовал 28-летний капитан-лейтенант Ральф Капицки (Ralph Kapitzky). 52-летний капитан Кэйпон сумел сесть в спасательную шлюпку с несколькими моряками, но не дошел на ней до берега... Ну а *U-615* будет уничтожена 7 августа 1943 года в Карибском море вместе со своим командиром...

Генерал Персиваль также разрешил эвакуацию ключевых специалистов и некоторых бойцов, чтобы они могли передать другим приобретенный боевой опыт, и выделил австралийцам 100 мест на уходящих судах и кораблях. Беннетт включил в это число административный и технический персонал, а также почтовых сотрудников для доставки последних почтовых сообщений солдат и офицеров 8-й Дивизии. Из 100 отобранных человек только 39 достигли Австралии.

Некоторые австралийцы из состава ВМФ оставались на Сингапуре, и по крайней мере 10 австралийских моряков погибли на острове или при отходе. Матрос Роберт Мэйсон (Robert Mason) находился в госпитале, когда его корабль *Yarra* вышел в море, и считается, что он погиб 15 февраля 1942 года. Старший сигнальщик Дэнни Ингрэм и матрос Дункан Хорнер (Duncan Horner) попали под бомбежку и опоздали к моменту выхода в море своего корабля *Bendigo*. Через пару дней их зачислили в экипажи других кораблей. Ингрэм был направлен на британский эсминец *Scorpion* и погиб при его потоплении 13 февраля. Хорнер оказался на грузовом судне *Bulan*, пришвартованном в гавани Кеппел, которое пережило воздушную атаку и ушло в море.

12 февраля последние 65 австралийских медсестёр получили приказ покинуть Сингапур, против их воли. Подполковник Хэмилтон наблюдал за их уходом: «Тоскливо улыбаясь, они махали нам маленькими носовыми платками из открытых дверей санитарных машин, пока медики и врачи выстраивались вдоль дороги, чтобы пожелать им доброго пути». Медсестры взошли на борт судна *Vyner Brooke*, переполненного эвакуируемыми, в основном женщинами и детьми. Старшие сестры Пашке (Paschke) и Драммонд (Drummond) сообщили своим медсестрам, что их шансы пройти через *Аллею Бомб* невелики. Корабль оказался в проливе Банка около 14.00 14 февраля, когда его перехватили японские самолеты...

Элейн Бэлфур-Огилви (Elain Balfour-Ogilvy) была среди австралийских медсестёр, эвакуированных из Сингапура на судне Vyner Brooke. После того как корабль был потоплен вражеской авиацией 14 февраля 1942 года, Бэлфур-Огилви добралась до берега на острове Банка. 16 февраля она была расстреляна японцами вместе с другими медсестрами.

Сестра Уилма Орам (Wilma Oram) вспоминала: «Японские самолёты пролетели над нами и начали бомбить. ... Мы уже спустились вниз, чтобы укрыться ниже палубы ... мы лежали лицом вниз, в борту корабля уже была пробоина. Осколки стекла разлетелись повсюду. Я подумала, что у меня оторвало ноги, но, когда посмотрела, увидела, что они были лишь слегка порезаны летящим стеклом. Но одна из наших девушек ... получила очень тяжёлое ранение ягодицы. Мы подняли её по лестнице на палубу и наложили полевой бинт. Потом нам пришлось покинуть корабль».

Двенадцать медсестёр погибли во время авианалета, утонули или дрейфовали на спасательных плотках, пока не умерли от истощения, остальные вместе с другими выжившими добрались до острова Банка. Одна группа из двадцати двух медсестёр собралась на пляже вместе с примерно пятьюдесятью британскими солдатами, после чего они были взяты в плен японскими солдатами войск утром 15 февраля. Заключённых разделили на две группы: мужчин забрали и убили. Вивиан Буллвинкл так вспоминала о том, что произошло дальше: «Нас построили и приказали маршировать к морю. Затем они начали стрелять из пулемётов сзади. Старшая сестра Драммонд, сестра Кэссон (Casson) и сестра Райт (Wright) были убиты, прежде чем дошли до воды. Остальные из нас вошли почти по пояс в воду, прежде чем зацепило еще кого-то. Я шла ближе к хвосту колонны, и пуля, попавшая в меня, прошла навывлет ближе к талии ... Мы все знали, что с нами произойдёт, но никто не паниковал: просто шли вперёд с высоко поднятыми подбородками». Буллвинкл оказалась единственной выжившей в этой бойне. Через несколько дней она снова сдалась в плен и присоединилась к другим 31 выжившим медсестрам. Ещё восемь умерли в плену. О судьбе медсестёр, эвакуированных из Сингапура, ничего не было известно, пока выжившие не были обнаружены на Суматре в сентябре 1945 года. Из 65 женщин, уцелевших после гибели судна *Vyner Brooke* и попавших в плен, выжили только 24...

В Сингапуре в последние дни боев всё больше солдат понимали, что крепость падёт. Никто не хотел капитулировать, так как слухи о совершаемых японцами массовых убийствах распространялись среди войск, и некоторые видели или слышали, как японцы убивали пленных британцев, индийцев и австралийцев. Кто-то готовился к последнему бою, а кто-то планировал побег.

12 февраля группа офицеров и солдат Полка Полевой Артиллерии 2/15 занялась поиском плавсредств «на случай Дюнкерка». Они отошли от берега на более-менее пригодной на плавания лодке, но один из них был убит пулемётным огнём. Когда они вернулись на берег, им сообщили, что японцы «уже за углом», поэтому группа из двадцати человек взяла курс на Суматру. Позднее они были схвачены японцами. Ещё одна группа ранних беглецов включала пятерых человек из Батальона 2/19, которые восстанавливались после ранений в госпитале 2/13. 13 февраля, когда пациенты были уведомлены, что госпиталь скоро попадёт в руки врага, капитаны Рег Томас (Reg Thomas) и Клем Хант (Clem Hunt), лейтенанты Джим Ховард (Jim Howard) и Стюарт Берт (Stewart Burt) и капрал Билл Райт (Bill Wright) получили разрешение на побег от бригадира Тейлора и подполковника Эндерсона, которые тоже были пациентами этого госпиталя. Офицеры наложили на раны последние перевязки, собрали пистолеты, патроны, еду и воду, украли сампан и отплыли, взяв курс на остров Самба/Samba, где захватили моторную лодку и, пережив сильный шторм, высадились на Суматре. Далее они по суше добрались до Паданга/Padang, оттуда были переправлены в Чилатжап/Tjilatjar на юге Явы, а затем на торговом судне добрались до Австралии.

Для большинства побег оставался мечтой. 13 февраля в другом госпитале флайт-сержант Пауэлл (C.F. Powell) из 243-й Эскадрильи британских ВВС встретил другого раненого австралийца, сержанта Джона Смита (John Smith) из британской 100-й Эскадрильи и сказал: «Пора валить». Смит собрал свои вещи, и летчики сели на китайскую речную лодку, которая доставила их на Яву. «Мы видели много обломков потопленных судов, и однажды ночью мимо нас промчались два эсминца; они, должно быть, нас не заметили. В другой раз гидроплан несколько раз сделал круги над нами, а потом улетел». Они вырвались как раз вовремя. Двое других раненых авиаторов, сержанты Чарлз Макдональд (Charles McDonald) и Гил Шарп (у которого была ампутирована нога), пытались сбежать на следующий день, но не смогли добраться до гавани Кеппел.

Другие, кто покинул остров в это время, формально не выходили из боя, как пациенты госпиталя, и не имели разрешения на уход. Почти во всех национальных группах военнослужащих в Сингапуре были люди, которые сознательно дезертировали, но большинство оставалось и сражалось. Сигнальщик Колин Мерчант (Colin Merchant) из 8-й Дивизии, оставил свою часть на поздней стадии боев. Вот что он рассказал: «Повсюду была полная неразбериха, никто не знал, что делать и куда идти. Мы ... решили следовать за толпой. В ней были индийские, шотландские, английские и австралийские солдаты ... и гражданские лица: азиаты, индийцы и европейцы ... Наконец, людской поток достиг набережной. Люди прибывали к причалам на своих машинах, оставляли их или толкали в воду. Солдаты и мирные жители поднимались на суда, стоявшие на якоре. Все говорили об эвакуации». Мерчант и несколько других солдат сели на небольшое судно. Большинство вернули на берег, но Мерчанту разрешили остаться благодаря его опыту сигнальщика и моряка. Позже судно, на котором он находился, было перехвачено японцами. Так бывало нередко: для многих побег из Сингапура лишь отсрочил плен. Рядовой Виктор Хадсон (Victor Hudson) из 22-й Бригады, покинул Сингапур за час до капитуляции на китайской джонке, направлявшейся на Суматру. Его группа пропустила организованную эвакуацию с южного побережья Суматры, поэтому купила лодку и отправилась в Индию. Их выбросило штормом, и они оказались в Бирме, где были схвачены оккупантами. Хадсон провел три года в тюрьмах, а когда японцы в начале 1945 года покинули Рангун, он сбежал из колонны пленных и достиг британских позиций 5 мая 1945 года. В июне 1945 года он вернулся в Австралию.

В Сингапуре после извещения о капитуляции вечером 15 февраля, командиры сказали солдатам: «Кто хочет бежать, лучше сделать это сегодня ночью». Рядовой Норман Хайэм (Norman Higham), служивший при небольшом складе боеприпасов в порту Кеппел, узнал о капитуляции, и начали готовиться к побегу со своими товарищами. После наступления темноты его временный командир, лейтенант Кен Кинг (Ken King), объявил: «Каждый сам за себя». Хайэм с большинством своих товарищей подразделения добрался до Суматры и вернулся в Австралию через Цейлон.

Самым известным, если не скандально известным, беглецом был сам командир 8-й Дивизии, генерал-майор Беннетт. После полудня 15 февраля он собрал своих командиров и штабистов и сообщил им о намерении Персиваля капитулировать. Они решили не разрешать массовый побег или прорыв, чтобы японцы не начали убивать военнослужащих и гражданских. Приказы Беннетта заключались в том, чтобы австралийские солдаты оставались на своих позициях, с наполненными водой фляжками и запасом продовольствия на два дня для переходного периода перед пленением. Многие офицеры и рядовые, которые собирались бежать, остались, получив этот приказ. Однако сам Беннетт не намеревался стать пленным. Он уже разработал план побега, который позже объяснил так: «Моё решение было подкреплено убежденностью в том, что я должен любой ценой вернуться в Австралию, чтобы рассказать нашему народу о сражениях с японцами, предупредить об опасности для Австралии и порекомендовать наилучшие способы противодействия японской тактике». В Австралии он был встречен холодно. Большинство считало, что он бросил своих людей на произвол судьбы. Его отправили в Западную Австралию командовать 3-м Австралийским Корпусом, а когда угроза японского вторжения уменьшилась, ему отказали в назначении на командную должность в боевых формированиях. Беннетт ушёл в отставку в 1944 году.

Подполковник Дж. Райт (J.W. Wright) из Полка 2/15 счел своим долгом остаться с солдатами. Вероятно, он суммировал мысли большинства командиров, когда, по словам артиллериста Флетчера, сказал, что «если мы решим уйти, он нас не остановит, хотя шансы на успешный побег крайне малы. Полковник сказал: вы знаете последствия — вас, скорее всего, расстреляют, если поймают, и шансы против нас».

Тем не менее сотни людей искали лодки, чтобы покинуть остров. Для большинства они были безрезультатными. Среди тех, кто бежал, были сержант Уолли Браун (Wally Brown, 1885 – 28.02.1942, награжден *Крестом Виктории* и *Военным Крестом* за героизм, проявленный на фронтах ПМВ) и артиллерист Флетчер. В предпоследний день боёв они решили: «Мы определённо не собираемся сдаваться этим жёлтым ..., пусть сначала они попробуют нас убить». Через несколько часов после капитуляции Браун, Флетчер и ещё четыре человека из Полка 2/15 вместе с тремя английскими солдатами ушли в море на протекающей лодке, используя доски в качестве вёсел и каски для вычерпывания воды. Один из англичан до этого прошел через Дюнкерк и позже вспоминал: «В Дюнкерке казалось, что вся Англия пыталась нам помочь, а в Сингапуре... нас просто оставили на произвол судьбы».

Капитулировавшие солдаты Британской Империи в месте сбора военнопленных...

Группа Брауна провела несколько часов в укрытии на одном из соседних островков, где нашла весла и парус, а затем снова тронулась в путь. Они догнали группу из пяти маленьких лодок с австралийцами на борту «... которые хотели узнать, что в итоге произошло в Сингапуре, поскольку сами не стали дожидаться конца». Судьбы беглецов сложились по-разному: некоторые не добрались до Суматры, так как японские самолёты расстреляли их, а у некоторых лодки оказались непригодными и просто затонули. Тем не менее сотни военнослужащих всех национальностей достигли Суматры, и большинство направилось в Ренгат/Rengat - город в центре острова, где была организована их отправка на юг. Группа Брауна разделилась в Ренгате. Один из беглецов заболел малярией и остался в госпитале, где был захвачен в плен, но сумел пережить войну. Браун и ещё двое оказались за линией фронта и исчезли, только двое из этой группы достигли Австралии через Яву.

Оставшиеся в Сингапуре постепенно осознали своё новое положение. Большинство людей было разочаровано и рассержено: они считали, что нужно было продолжать вооружённую борьбу. Вспоминает капитан Кен Мошер (Ken Mosher), Батальон 2/18: «Это были тяжёлые времена, тяжёлые часы... я испытывал раздражение по отношению ко всем и ко всему». Многие плакали, услышав о капитуляции, высвобождая сдерживаемое напряжение и страх перед смертью. Только позже, когда австралийцы шли через разрушенный город в лагерь для военнопленных и расположения рабочих партий, они увидели, как сильно пострадало гражданское население от бомбёжек и артобстрелов, и смирились с тем, что капитуляция была необходима.

В то время как некоторые сразу стали думать о побеге, другие были слишком подавленными или уставшими, чтобы думать о чём-либо, кроме того, чтобы найти место для отдыха, еду и питьё. Капитан Брэнд нашёл себе пристанище и устроился с удобствами, используя вещи из ближайших домов: «Вдоль стены стояли бутылка [виски] *Canadian Club*, бутылка вина *Medoc*, две бутылки ликёра и бутылка шампанского. В нише чуть выше — несколько хороших хрустальных бокалов». Вот что написал в своем дневнике на следующее утро (16 февраля) штаб-сержант Ходжсон: «Пишу это в роскошных условиях,

с сигарой, бокалом пива и радио в соседней комнате. Как только мы услышали, что всё кончено, Пэдди и я раздобыли полбутылки рома *Bundaberg*, устроились поудобнее в пустом доме... и впервые за примерно две недели нормально выспались. Утром вернулись к нашей старой группе в другом доме... Захватили грузовик и пошли разведать шансы на побег, но это было почти безнадежно. Японские патрули, самолёты и моторные лодки были повсюду, так что мы прятались в сараях и на причалах, и старались набрать побольше провизии и пива *Cascade*».

Портрет трёх солдат 2/29-го батальона был сделан вскоре после их прибытия в Малаю в августе 1941 года: рядовой Сидни Райли (Sydney Riley, слева) предположительно погиб 22 января 1942 года в бою при Парит Сулонге. Двое его друзей выжили, но рядовой Аллан Клинч (Allan Clinch, справа) позже пропал без вести и считается погибшим 10 февраля 1942 года при обороне Сингапура. Рядовой Роберт Тауэрс (Robert Towers, в центре) пережил кампанию и попал в плен в Сингапуре. После периода работы в лагерях он был отправлен в Японию, где умер от болезни 8 ноября 1943 года.

Первые японцы, с которыми они столкнулись, были настроены дружелюбно: вероятно, это были солдаты из боевых частей, они даже выпили пива с австралийцами. Однако такое дружелюбие было редким и недолговечным. Моральный дух у людей был низким, настроение неопределённым. Они собирались группами, иногда пытались шутить, но при этом глубоко внутри беспокоились о своём будущем. Как и остальные британские солдаты в первый день плена, уцелевшие бойцы из Полка 2/10 полка были подавлены и почти не улыбались, когда услышали звуки волынки: «Вскоре за поворотом дороги, всего в нескольких сотнях ярдов, с гордостью шли шотландцы с двумя волынщиками впереди. Они шли как на параде, и все, стоявшие на холме, радостно приветствовали их, пока они не пропали из виду. Это были остатки Аргайлцев и Сазерлендских Горцев,» - вспоминал Боб Гудвин (Bob Goodwin)

Сложившие оружие получили приказ собраться в отведенный им лагерь для военнопленных — тюрьму Чанги/Changi. Австралийцев направили в казармы *Селаранг*, где они позже разместились. С учётом того, что теперь в плену находились около 85 000 военнослужащих, а также гражданские лица европейского происхождения, процесс перемещения был долгим и медленным. Большинство шло весь день и ночь; некоторые прибыли лишь через несколько дней. По пути японцы издевались над пленными, но жители Сингапура, рискуя суровым наказанием, протягивали солдатам еду и воду. Один пехотинец

вспоминал: «Нам было невыносимо стыдно, когда мы строились в колонны. Эти маленькие ублюдки! И мы думали... как эти парни смогли нас победить». Многие так и не приняли поражение — они были готовы продолжать бой, но получили приказ сдаться. Некоторые сохранили пистолеты или гранаты на случай, если придётся в последний раз защищать свою жизнь.

Распространялись слухи о резне в госпитале *Alexandra*, захваченном 14 февраля. Японцы преследовали отступающих индийцев, которые продолжали отстреливаться, находясь на территории госпиталя. Разъярённые японцы закололи штыками нескольких медицинских работников и пациентов, включая человека, лежавшего на операционном столе и доктора, который оказывал ему помощь. Потом они согнали в закрытое помещение 150 человек, которых расстреляли на следующий день. Другие группы британских, австралийских, индийских, малайских и сингапурских военнослужащих и гражданских лиц также были убиты.

Большинство австралийцев благополучно пережили первые месяцы плена, которые лишь от случая к случаю сопровождались побоями. Однако некоторым повезло меньше. Группу из пятнадцати австралийцев из батальонов 2/18 и 2/4 отделили от остальных перед переводом в казармы *Селаранг* и поселили под замок в помещении при японском штабе. Полковой сержант-майор Фред Эйри (Fred Airy) из Батальона 2/4 был подвергнут допросу, вместе с остальными он провел в заключении несколько дней. 19 февраля их вывели на улицу, связали им руки за спиной и построили в колонну по одному, после чего приказали идти. Тем временем японцы, стоявшие вдоль улицы и выглядывавшие из окон, гоготали и насмехались над ними. Рассказывает Эйри: «Японский офицер остановился, показал рукой в сторону какого-то ручья и отдал приказ. Люди сразу повернули направо, чтобы перейти ручей, когда прозвучала первая очередь. Я видел, как двое упали в него, другие согнулись пополам, стоя на месте. Пуля просвистела мимо моей головы, я кувыркнулся и свалился в русло ручья. Уложив всех, японцы удостоверились в том, что никто не остался живым, добив всех выстрелом. Я слышал удар пуль по телу рядом со мной и ждал своей». Рядовой Лес Макканн (Les McCann) из Батальона 2/4 также остался в живых. Он упал в ручей рядом с другим человеком, который продолжал кричать на японцев, пока его не добились выстрелом. Позже Макканн пришёл в себя и, потеряв ориентировку, бродил девять дней, пока не свалился в районе *Чайнатауна*. Его отвезли в британскую больницу, а затем в *Селаранг*, где он воссоединился с соотечественниками восемь месяцев спустя. Эйри также несколько дней скитался по окрестностям, но нашёл лодку и бежал в Суматру, где снова был схвачен японцами...

Оставшиеся в Сингапуре австралийцы стали устраивать свою жизнь в плену. Дисциплина продолжала поддерживаться британскими и австралийскими офицерами, которые считали её ключом к выживанию. В переполненных казармах *Селаранг* люди расчищали завалы, сооружали себе места для сна, выкапывали туалеты и начинали экспериментировать с приготовлением риса — стандартного пайка для японских войск и их пленных. Рабочие команды отправлялись для уборки городских улиц.

Большинство австралийских военных кораблей, участвовавших в кампании, достигло Австралии или Цейлона, но корвет *Yarra* был потоплен к югу от Явы, и спаслись только 13 членов экипажа, а корвет *Vampire* был потоплен в Бенгальском заливе. Позднее в морском сражении у Явы будет потоплен крейсер *Perth*, при этом его экипаж частично погибнет, частично попадет в плен.

Многие австралийцы, захваченные японцами в плен на [Тиморе](#), [Суматре](#) или [Яве](#), позже также оказались в Сингапуре. Одна треть австралийских военнопленных умерла в плену за последующие три с половиной года.

[Первая часть](#)

Основной источник

<https://anzacportal.dva.gov.au/resources/bitter-fate-australians-malaya-singapore>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник с использованием ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org